

Когда Старейшина Фу немного успокоился, Чан Я последовал за Цэнь Сяолу вон из бокового зала. Оказавшись снаружи, он почувствовал, как гнев понемногу утихает, а гнетущее чувство, вызванное горем старика, отпускает. Однако в груди всё ещё щемило, а тело казалось непривычно слабым, словно лишившимся опоры.

На повороте, погружённый в свои мысли, Чан Я не заметил поспешно вышедшего навстречу человека. Столкновение было неизбежным: он потерял равновесие и повалился на землю. Из широкого рукава на камни выскользнуло предсмертное письмо Лу Цифэна.

Сбившему его юноше на вид было лет двадцать. Худой и высокий, с густыми бровями, он смотрел на Чан Я виноватыми, полными тревоги глазами и поспешно протягивал руку, пытаясь помочь подняться.

— Простите, ради всего святого! Я так спешил... Вы не ушиблись?

— Всё в порядке, — Чан Я принял его помощь и встал. Если бы не упадок сил, он легко бы уклонился, но сейчас лишь мысленно посочувствовал собственной пояснице: приземление вышло болезненным, и хоть кости остались целы, место ушиба изрядно саднило.

— Ой! — юноша внезапно замер, во все глаза уставившись на Чан Я. — Да вы же Чан Я, внук лекаря, призывающего дух!

Чан Я, отряхивая пыль с подола, удивлённо приподнял бровь:

— Мы знакомы?

Юноша закивал:

— Конечно! Много лет назад мой дядя обращался за помощью к вашему дедушке, я тогда ходил вместе с ним.

— Вот как? — Чан Я честно пытался вспомнить, но за эти годы через их дом прошло столько просителей, что лица сопровождающих совершенно стёрлись из памяти.

— Чан Я, — негромко окликнул его Цэнь Сяолу. В его взгляде читался немой вопрос.

— Всё хорошо, — Чан Я покачал головой, успокаивая Сяолу.

— А это кто? — юноша перевёл взгляд на Сяолу. Облик спутника Чан Я — статный, с правильными чертами лица, но пугающе холодным взглядом — явно его заинтересовал.

— Мой соученик, Цэнь Сяолу, — представил его Чан Я.

— Не знал, что у великого лекаря появился новый ученик! Рад встрече. Позвольте представиться: меня зовут Кэ Мучжи, я состою в обществе «Мэйцаньлин».

Мэйцаньлин — известное в академии Минли литературное братство. В отличие от других кружков, где верховодили отпрыски знатных родов, здесь ценили талант, а не происхождение.

Поднимая вещи, выпавшие при столкновении, Кэ Мучжи случайно мельком взглянул на бумагу. Его пальцы дрогнули.

— Цифэн?

— Хм? — Чан Я не ожидал услышать это имя от незнакомца. Он забрал письмо и передал его Сяолу.

— Простите, я не хотел подглядывать, — поспешно добавил Кэ Мучжи. — Но Цифэн — мой близкий друг. Мы оба из «Мэйцаньлин». Его каллиграфия и живопись... я всегда восхищался его мастерством, он многому меня научил.

Чан Я помрачнел. Горький привкус чужого горя всё ещё стоял на языке, и он не знал, как сообщить такую новость.

— Что случилось? — Кэ Мучжи мгновенно уловил перемену в лице собеседника.

— Он мёртв, — ледяным тоном отрезал Цэнь Сяолу, не видя смысла в экивоках.

— Кто?..

— Лу Цифэн. Вчера мы с Чан Я нашли его тело в Ифэйло.

— Быть не может... — Кэ Мучжи покачнулся, словно от удара. — Как же так?

— Вот его предсмертное письмо.

Кэ Мучжи дрожащими руками принял свиток. Он жадно впился глазами в строки, качая головой, и беззвучно шептал, повторяя одно и то же: «Нет... нет...»

— Что не так? — Чан Я невольно затаил дыхание. Он боялся, что парень сейчас рухнет без чувств, как Старейшина Фу.

— Это не он... — Кэ Мучжи поднял взгляд, полный смятения. — Это не почерк Цифэна.

Сяолу прищурился:

— Ты уверен?

— Абсолютно! — Кэ Мучжи решительно кивнул. — Мы столько времени провели вместе, я узнаю его руку из тысячи. Где... где вы нашли это письмо?

— В его комнате. Лежало под чернильным камнем.

— Цифэн... — Кэ Мучжи задохнулся от подступивших слёз, он отвернулся, пряча лицо в широком рукаве. — Я знаю о его чувствах к Шуй Цинлин. Он говорил мне, что хочет сдать императорские экзамены, добиться чина, чтобы обеспечить ей достойное будущее... Как он мог просто уйти? Почему?

Слова Кэ Мучжи перевернули всё с ног на голову. Если письмо — подделка, значит, вся сцена самоубийства была искусной декорацией. Смерть Лу Цифэна пахла уже не отчаянием, а чьим-то злым умыслом.

Сяолу забрал письмо и спрятал его за пазуху. Его мысли явно текли в том же направлении, что и у Чан Я.

— Нам нужно вернуться в Ифэйло. Прощай.

— Подождите! — Кэ Мучжи быстро справился с чувствами. — Вы идёте к нему домой? Я с вами.

По словам Кэ Мучжи, в академии остались кое-какие вещи Лу Цифэна. Пока они собирали их, Чан Я заметил среди кистей одну — весьма необычную.

— Это подарок Шуй Цинлин, — Кэ Мучжи осторожно, почти благоговейно коснулся ворса. — Помню, как посыльный из книжной лавки «Тайань» принёс её. Цифэн тогда всё отнекивался, не хотел говорить, кто прислал... Но я-то сразу понял. Больше никому.

— Жизнь непредсказуема... — Кэ Мучжи тяжело вздохнул, убирая кисть. — Пойдёмте.

На выходе из академии Цэн Сяолу внезапно замер, вглядываясь в толпу.

— Что там? — Чан Я проследил за его взглядом. Несколько учеников в форменных одеждах лениво прогуливались по двору — обычная картина, ничего подозрительного.

Сяолу медленно отвёл взор. Возможно, недавние события слишком остро разбередили его память, и он принял желаемое за действительное.

— Ничего. Идём.

До Ифэйло добирались в повозке. Сяолу правил, а Чан Я и Кэ Мучжи устроились внутри. Всю дорогу Кэ Мучжи рассказывал о друге. Цифэн вырос в бедности, рано потерял родителей и с юных лет познал нужду. Был он человеком мягким, доверчивым, из-за чего не раз становился жертвой обманщиков. Лишь когда Старейшина Фу разглядел в нём искру таланта и устроил в академию, жизнь наладилась. Лу Цифэн давал уроки живописи детям, а сам втайне копил медяки на поездку в столицу для сдачи экзаменов...

Слушая это, Чан Я ощущал, как в груди закипает горечь. Если этого юношу действительно лишили жизни, то насколько же черна должна быть душа его убийцы?

— Скажи, у него были враги? Кто-то, с кем он враждовал?

— Исключено, — отрезал Кэ Мучжи. — Цифэн и голоса-то никогда ни на кого не повысил.

— Приехали. Выходите, — голос Сяолу прервал их беседу.

Они подошли к убогому жилищу. У дверей их встретил приказчик из лавки ритуальных принадлежностей.

— Тело омыто и уложено в гроб. Будем предавать земле?

— Дождёмся Старейшину Фу, — ответил Чан Я. Он нашёл того самого мальчишку-соседа, который провожал их вчера, дал ему несколько монет и попросил сбегать в Сяшуй, чтобы известить старика.

Кэ Мучжи ушёл внутрь, чтобы в последний раз взглянуть на друга. Чан Я и Сяолу остались во дворе, давая ему возможность попрощаться наедине. Когда Кэ Мучжи вышел, глаза его были красными от слёз. Он молчал.

— Чан Я, зайди со мной, — негромко позвал Сяолу.

Если Лу Цифэна подставили, а письмо — фальшивка, подкинутая, чтобы бросить тень на Шуй Цинлин, то где-то здесь должны были остаться следы.

— Сможешь? — Сяолу вопросительно взглянул на брата. Он надеялся, что способности Чан Я помогут найти зацепку.

Чан Я замялся.

— Живых читать легко. Мёртвых... почти невозможно.

— Но шанс есть? — Сяолу был настойчив.

— Я... попробую.

Лу Цифэн был мёртв уже несколько дней, и Чан Я не знал, сохранилось ли хоть что-то от его сознания. Закрыв глаза, он сосредоточился, пытаясь нащупать связь. Он расширил своё восприятие до предела, вслушиваясь в тишину «моря духа» в поисках обрывков духовного сознания.

Это требовало колоссальных усилий. Спина Чан Я мгновенно взмокла от пота, рубаха прилипла к телу. Духовное сознание не исчезает в миг смерти, оно тает постепенно в течение пяти дней. От Лу Цифэна остались лишь крошечные, едва уловимые крупички. Чан Я приказал себе успокоиться. Без полной концентрации он не поймает ничего.

Внезапно в сердце ударила волна такого беспросветного отчаяния, что Чан Я невольно отшатнулся. Это было эхо последних чувств умершего, чистая, концентрированная безнадежность.

В сознании на миг вспыхнул обрывок видения: ослепительно белая полоса шёлка и остекленевший взгляд Лу Цифэна. Кадр исчез так же быстро, как появился. Чан Я охватила слабость, он принудительно открыл глаза. Капля пота скатилась со лба и попала в глаз; соль жгла, вызывая слёзы.

— Чан Я!

— Ещё немного... — он снова зажмурился. Нужно было ловить последний шанс, пока остатки духа окончательно не развеялись.

Пустота. Всё вокруг наполнило белесое марево. Тот леденящий душу ужас исчез, словно у него не было корней. Эта пустота пугала Чан Я больше всего. Духовное сознание может слабеть, но оно не должно быть... таким. Если бы не та вспышка отчаяния в самом начале, он бы подумал, что в теле вообще нет души.

Связь истончалась. Белизна меркла. Чан Я отчаянно пытался ухватиться хоть за что-то, и в последний миг, перед тем как всё окончательно погасло, его сердца коснулось нечто тёплое и короткое. Это был последний вздох духовного сознания Лу Цифэна.

— Что ты видел? — голос Сяолу прозвучал совсем рядом, в нём слышалась тревога.

Чан Я медленно открыл глаза и вытер лицо ладонью. Рука была мокрой. В груди ворочалось странное чувство: он едва знал Лу Цифэна, но за эти мгновения успел понять, каким он был.

— Всё в порядке, — Чан Я смахнул остатки слёз, собираясь с мыслями. — Я видел... видел, как он лезет в петлю. В тот момент он словно потерял всякую надежду.

— Значит, всё-таки самоубийство? — переспросил Сяолу.

— Я не уверен... — Чан Я заколебался. — Это было странно. Само действие — да, он сделал это сам. Но... это не походило на его собственную волю.

— Думаешь, им управляли?

Чан Я хотел ответить, но снаружи раздался голос приказчика:

— Старейшина Фу прибыл!

<http://bllate.org/book/17545/1712571>